

H. P. LOVECRAFT

THE TREE

On a verdant slope of Mount Maenalus, in Arcadia, there stands an olive grove about the ruins of a villa. Close by is a tomb, once beautiful with the sublimest sculptures, but now fallen into as great decay as the house. At one end of that tomb, its curious roots displacing the time-stained blocks of Panhellenic marble, grows an unnaturally large olive tree of oddly repellent shape; so like to some grotesque man, or death-distorted body of a man, that the country folk fear to pass it at night when the moon shines faintly through the crooked boughs. Mount Maenalus is a chosen haunt of dreaded Pan, whose queer companions are many, and simple swains believe that the tree must have some hideous kinship to these weird Panisci; but an old bee-keeper who lives in the neighboring cottage told me a different story.

Many years ago, when the hillside villa was new and resplendent, there dwelt within it the two sculptors Kalos and Musides. From Lydia to Neapolis the beauty of their work was praised, and none dared say that the one excelled the other in skill. The Hermes of Kalos stood in a marble shrine in Corinth, and the Pallas of Musides surmounted a pillar in Athens near the Parthenon. All men paid homage to Kalos and Musides, and marvelled that no shadow of artistic jealousy cooled the warmth of their brotherly friendship.

But though Kalos and Musides dwelt in unbroken harmony, their natures were not alike.

Г.Ф. ЛАВКРАФТ

ДЕРЕВО

Перевод В. Останина

На цветущем склоне горы Менэлус, что в Аркадии, неподалеку от развалин древней виллы растет оливковая роща. Рядом с ней возвышается надгробие, некогда прекрасное, с величественными скульптурами, но ныне разрушенное, как и дом. У одного края могилы, раздвинув потемневшие от времени плиты пентелийского мрамора, растет необычайных размеров олива. Вид ее вызывает отвращение сходством с каким-то уродливым человеком или с телом, обезображенным смертью. Селяне избегают ходить мимо него по ночам, когда лунный свет едва пробивается сквозь кривые ветви. Гора Менэлус – излюбленное место козлоногого Пана, которого всегда окружает множество странных спутников и приятелей. Простые деревенские парни уверены, что олива каким-то образом связана со всей этой нечистой компанией. Но старый пасечник, живущий в доме неподалеку, рассказывал мне совсем другое.

Много лет тому назад, когда вилла на склоне была новой и великолепной, в ней проживали два скульптора – Калос и Мусид. Красота их творений славилась повсюду от Лидии до Неаполя. Никто не осмелился бы утверждать, что один превосходит другого в мастерстве. Гермес работы Калоса стоял в мраморной раке в Коринфе, а Паллада Мусиды венчала колонну, установленную в рядом с афинским Парфеноном. Все отдавали должное таланту скульпторов, удивляясь теплу их братской дружбы и отсутствию между ними зависти.

Г.Ф. ЛАВКРАФТ

ДЕРЕВО

Перевод “Thrury”

На зеленом склоне горы Маэналус, в Аркадии, там, на руинах виллы росла олива, у надгробья, когда-то прекрасного и украшенного величественными скульптурами, но ныне, как и вилла разрушенного. Росла, эта, противоестественно огромная олива, на краю могилы, где ее любопытные корни разметали источенный временем мрамор, а само дерево приняло столь необычные, отталкивающие формы, так походившие на нелепого человека или искаженное смертью человеческое тело, что сельские жители по ночам, когда луна слабо освещала искривленные сучья, боялись проходить мимо. Гора Маэналус прежде служила обиталищем ужасному Пану, чьи эксцентричные спутники были многочисленны и простодушные деревенские жители верили, что дерево, должно быть, состоит в каком-то ужасном родстве с этими полными причуд последователями Пана; но старый пчеловод, живший в соседней хижине, поведал мне другую историю.

Давным-давно, когда стоявшая на холме вилла была нова и блистала великолепием, в ней обитали два скульптора: Калос и Мусидос. От Лидии до Неаполя превозносилась красота их работ, и никто не смел сказать, что в мастерстве один превзошел другого. Гермес работы Калоса стоял в мраморном храме в Коринфе, и Паллада работы Мусидоса увенчивала колонну в Афинах рядом с Парфеноном. Люди платили почтением

Whilst Musides revelled by night amidst the urban gaieties of Tegea, Saïos would remain at home; stealing away from the sight of his slaves into the cool recesses of the olive grove. There he would meditate upon the visions that filled his mind, and there devise the forms of beauty which later became immortal in breathing marble. Idle folk, indeed, said that Kalos conversed with the spirits of the grove, and that his statues were but images of the fauns and dryads he met there for he patterned his work after no living model.

So famous were Kalos and Musides, that none wondered when the Tyrant of Syracuse sent to them deputies to speak of the costly statue of Tyche which he had planned for his city. Of great size and cunning workmanship must the statue be, for it was to form a wonder of nations and a goal of travellers. Exalted beyond thought would be he whose work should gain acceptance, and for this honor Kalos and Musides were invited to compete. Their brotherly love was well known, and the crafty Tyrant surmised that each, instead of concealing his work from the other, would offer aid and advice; this charity producing two images of unheard of beauty, the lovelier of which would eclipse even the dreams of poets.

With joy the sculptors hailed the Tyrant's offer, so that in the days that followed their slaves heard the ceaseless blows of chisels. Not from each other did Kalos and Musides conceal their work, but the sight was for them alone. Saving theirs, no eyes beheld the two divine figures released by skillful blows from the rough blocks that had imprisoned them since the world began.

Но хотя и жили они в гармонии, характеры их были на редкость разными. Пока окруженный городскими бездельниками Мусид кутил по ночам в Тегии, Калос оставался дома. Он укрывался от взглядов своих рабов в уединенном прохладном уголке оливковой рощи. Там размышлял он над переполнявшими его образами и искал формы, которые делали бы красоту бессмертной в оживающем мраморе.

Пустомели утверждали, что Калос беседует с духами рощи, что его статуи суть образы фавнов и дриад, с которыми он там встречается, ибо живой натурой он никогда не пользовался.

Настолько знамениты были Калос и Мусид, что никто не удивился, когда к ним прибыли посланники от тирана Сиракуз. Они приехали вести переговоры о весьма дорогостоящей статуе богини удачи Тайкэ¹, которую тиран задумал поставить в городе. Скульптура должна была достигать огромных размеров, но при этом выполнить ее нужно было весьма тонко, чтобы она стала еще одним чудом света и привлекала в Сиракузы тысячи путешественников. Тот, чью работу примут, был бы возвеличен безмерно. За эту-то честь Калос и Мусид были приглашены посоревноваться. Их братская любовь была широко известна, и хитрый тиран рассудил, что каждый, вместо того, чтобы скрывать свою работу от другого, предложит другу помощь и совет. Эта душевная щедрость должна была породить два образа неслыханной красоты, лучший из которых затмил бы мечты поэтов.

Скульпторы с радостью приняли предложение тирана. Все последующие дни их рабы слышали неутомимый стук молотков. Калос и Мусид скрывали свою работу от всех остальных, но отнюдь не друг от

Калосу и Мусидосу, поражаясь, что художественная ревность не охладила тепло их братской дружбы. Но хотя Калос и Мусидос жили в неразрывной гармонии, их нрав не был схож. Пока Мусидос веселился в ночи среди развлечений Тегии, Калос оставался дома, забираясь прочь от глаз рабов в холодное уединение в оливковой роще. Там он размышлял над видениями, что заполняли его разум, и там задумывались прекрасные фигуры, что позже становились бессмертными в дышащем мраморе. Впрочем, из-за того, что Калос работал без натурщиков, праздные люди утверждали, что он общается с духами рощи и его статуи не более чем изображения фавнов и дриад, встреченных там.

Калос и Мусидос были столь известны, что никто не удивился, когда Тиран Сиракуз прислал к ним делегатов с предложением изваять роскошную статую Тахе, что Тиран желал установить в своем городе. Статую громадных размеров и искусной работы желал Тиран, чтобы вызывать зависть государств и притягивать путешественников. Невероятна станет слава того, чья статуя будет одобрена, и к их чести, Калос и Мусидос, оба были избраны для выполнения работы. Их братская любовь была столь известна, что коварный Тиран предлагал работу /обоим, предполагая, что они не только не станут скрывать свои творения, но и будут советовать и помогать друг другу, и так создадутся две скульптуры столь неслыханной красоты, что затмят сон поэта.

С радостью скульпторы одобрили предложение Тирана, и в следующие дни их рабы слышали непрестанный стук зубил. Ни Калос, ни Мусидос не

At night, as of yore, Musides sought the banquet halls of Tegea whilst Kalos wandered alone in the olive Grove. But as time passed, men observed a want of gaiety in the once parkling Musides. It was strange, they said amongst themselves that depression should thus seize one with so great a chance to win art's loftiest reward. Many months passed yet in the sour face of Musides came nothing of the sharp expectancy which the situation should arouse.

Then one day Musides spoke of the illness of Kalos, after which none marvelled again at his sadness, since the sculptors' attachment was known to be deep and sacred. Subsequently many went to visit Kalos, and indeed noticed the pallor of his face; but there was about him a happy serenity which made his glance more magical than the glance of Musides who was clearly distracted with anxiety and who pushed aside all the slaves in his eagerness to feed and wait upon his friend with his own hands. Hidden behind heavy curtains stood the two unfinished figures of Tyche, little touched of late by the sick man and his faithful attendant.

As Kalos grew inexplicably weaker and weaker despite the ministrations of puzzled physicians and of his assiduous friend, he desired to be carried often to the grove which he so loved. There he would ask to be left alone, as if wishing to speak with unseen things. Musides ever granted his requests, though his eyes filled with visible tears at the thought that Kalos should care more for the fauns and the dryads than for him. At last the end drew near, and Kalos discoursed of things beyond

друга. Ничьи иные глаза, кроме их собственных, не созерцали божественные фигуры, которые от сотворения мира были сокрыты в грубых глыбах, а сейчас высвобождались силой их гения. Как и прежде, по вечерам Мусид посещал пиры в Тещи, а Калос бродил в одиночестве по оливковой роще. Но с течением времени в неизменно веселом и жизнерадостном Мусиде стали проявляться признаки уныния. Люди принялись гадать о причинах столь угнетенного состояния человека которого есть блестящая возможность завоевать своим искусством величайшую награду. Прошло немало месяцев, но кислое выражение лица Мусида так и не сменилось признаками нетерпеливого, азартного ожидания, которое столь естественно должно было появиться в подобном случае.

Но вот однажды Мусид рассказал о болезни Калоса, и всем стала понятна его печаль, поскольку глубокое и чистое взаимное влечение двух скульпторов было общеизвестно.

Тогда многие принялись навещать Калоса и, действительно, все как один отмечали его странную бледность. Но при этом было в нем и выражение счастливой безмятежности, что делало его взгляд более загадочным, чем взгляд Мусида. Мусид же был охвачен непередаваемым волнением и, пожелав самостоятельно кормить и ухаживать за своим другом, удалил от него всех рабов.

Сокрытые тяжелыми занавесями, стояли две незаконченные фигуры. В последнее время к ним редко прикасались резцы больного и его преданного брата.

А Калос продолжал слабеть, несмотря на помощь озадаченных врачей и нежную заботу своего друга. Все чаще просил он, чтобы его перенесли в возлюбленную

скрывали друг от друга работу, однако работали они в одиночестве. И от того ничьи глаза не видели ожествленных фигур, освобожденных искусными ударами из грубых камней, что пленили их с рождения мира.

По ночам, как и прежде, Мусидос посещал банкетные залы в Тегее, пока Калос в одиночестве бродил по оливковой роще. Но время шло, и люди заметили недостаток веселья в когда-то искрящемся Мусидосе. Странно, – судачили они, – что уныние овладело человеком со столь огромными шансами получить высочайшую художественную награду. Шли месяцы, а унылое лицо Мусидоса оставалось прежним, точно в ожидании какой-то перемены.

Но когда Мусидос поведал о болезни Калоса, в его печали уже не было ничего удивительного, ведь глубина и святость привязанности скульпторов была широко известна. Впоследствии многие навещали Калоса и действительно заметили бледность на его лице, и еще счастливую безмятежность. Мусидос же, точно обезумев от тревог, отправил прочь рабов желая собственными руками кормить и прислуживать другу. Скрытые за тяжелыми занавесками стояли две незаконченные статуи Тахе, едва тронутые в последнее время больным и его преданным другом.

По мере того как Калос слабел, несмотря на усилия озадаченных врачей и неутомимого друга, он желал, чтобы его чаще выносили в рощу, что он так любил. Там он просил, чтобы его оставляли в одиночестве, точно собираясь общаться с невидимыми созданиями. Мусидос даже давал согласие на подобные просьбы, хотя глаза его

this life. Musides, weeping, promised him a sepulchre more lovely than the tomb of Mausolus; but Kalos bade him speak no more of marble glories. Only one wish now haunted the mind of the dying man; that twigs from certain olive trees in the grove be buried by his resting place-close to his head. And one night, sitting alone in the darkness of the olive grove, Kalos died. Beautiful beyond words was the marble sepulchre which stricken

Musides carved for his beloved friend. None but Kalos himself could have fashioned such basreliefs, wherein were displayed all the splendours of Elysium. Nor did Musides fail to bury close to Kalos' head the olive twigs from the grove.

As the first violence of Musides' grief gave place to resignation, he labored with diligence upon his figure of Tyche. All honour was now his, since the Tyrant of Syracuse would have the work of none save him or Kalos. His task proved a vent for his emotion and he toiled more steadily each day, shunning the gaities he once had relished. Meanwhile his evenings were spent beside the tomb of his friend, where a young olive tree had sprung up near the sleeper's head. So swift was the growth of this tree, and so strange was its form, that all who beheld it exclaimed in surprise; and Musides seemed at once fascinated and repelled.

Three years after the death of Kalos, Musides despatched a messenger to the Tyrant, and it was whispered in the agora at Tegea that the mighty statue was finished. By this time the tree by the tomb had attained amazing proportions, exceeding

им рошу. Там он просил оставить его в одиночестве, как если бы желал побеседовать с чем-то невидимым. Мусид безропотно выполнял все просьбы Калоса, хотя глаза его и наполнялись слезами при мысли, что брат его больше печется о нимфах и дриадах, чем о себе самом.

Наконец, настал день, когда Калос заговорил о смерти. Рыдающий Мусид пообещал ему изваять памятник более восхитительный, чем знаменитый склеп Мазолуса². Но Калос попросил его не говорить более о мраморных красотах. Лишь одно желание преследовало умирающего – чтобы в изголовье его гроба положили веточки, обломленные по его указанию с нескольких олив из роши.

Однажды ночью, сидя в одиночестве во тьме оливковой роши, Калос скончался.

Неописуемой красоты был монумент, что высек из мрамора охваченный скорбью Мусид для своего возлюбленного друга. Никто другой не изваял бы барельефов, вобравших в себя все величие Елисейских полей³. Не забыл Мусид положить в могилу и веточки, обломленные в оливковой роше.

Когда боль утраты несколько поутихла, он возобновил работу над фигурой Тайкэ. Вся слава теперь должна была принадлежать одному, поскольку тиран Сиракуз жаждал заполучить только творение Калоса или Мусида и никого другого. Выполнение заказа послужило выходом чувствам скульптора, и с каждым днем он трудился упорнее, избегая развлечений, которым некогда предавался. Все вечера он неизменно проводил у могилы своего друга, где уже успела взойти молодая олива. Так быстр был ее рост и настолько необычен вид, что все, кто видел ее, не могли сдержать возгласа удивления. Да и сам Мусид

заполнялись слезами от мысли, что Калос больше жаждет внимания фавнов и дриад чем его. Наконец смерть приблизилась вплотную, и мысли Калоса стали блуждать в иных мирах. Мусидос, плача обещал ему склеп прекрасней надгробия Мавзолея, но Калос просил его более не говорить о мраморном величии. Лишь одно желание обитало в разуме умирающего, чтобы веточка с определенного оливкового дерева из роши была похоронена на его могиле рядом с его головой. И ночью, в одиночестве, сидя в оливковой роше, Калос умер. Неописуемо прекрасен был мраморный склеп, который ошеломленный смертью Мусидос высек для своего возлюбленного друга. Казалось никто кроме Калоса не смог бы создать этот барельеф, на котором изображалось бы все величие Елисейских полей. И Мусидос не смог не похоронить рядом с головой Калоса оливковую ветвь из роши.

Поначалу неистовое горе, сменилось смирением, и Мусидос принялся усердно трудиться над статуей Тахе. Все почести теперь достанутся ему, так как Тиран Сиракуз не заказал работу никому кроме него и Калоса. В его упорном труде нашли выход эмоции, и он каждый день прилежно работал, избегая развлечений, которые он однажды покинул. Вечера же он проводились рядом со склепом своего друга, где молодая олива росла рядом с изголовьем спящего. Так быстро росло это дерево и так странны были его очертания, что все видевшие его поражались, а Мусидоса оно, казалось, одновременно восхищало и отталкивало.

Через три года после смерти Калоса, Мусидос

all other trees of its kind, and sending out a singularly heavy branch above the apartment in which Musides labored. As many visitors came to view the prodigious tree, as to admire the art of the sculptor, so that Musides was seldom alone. But he did not mind his multitude of guests; indeed, he seemed to dread being alone now that his absorbing work was done. The bleak mountain wind, sighing through the olive grove and the tomb-tree, had an uncanny way of forming vaguely articulate sounds.

The sky was dark on the evening that the Tyrant's emissaries came to Tegea. It was definitely known that they had come to bear away the great image of Tyche and bring eternal honour to Musides, so their reception by the proxenoi was of great warmth. As the night wore on a violent storm of wind broke over the crest of Maenalus, and the men from far Syracuse were glad that they rested snugly in the town. They talked of their illustrious Tyrant, and of the splendour of his capital and exulted in the glory of the statue which Musides had wrought for him. And then the men of Tegea spoke of the goodness of Musides, and of his heavy grief for his friend and how not even the coming laurels of art could console him in the absence of Kalos, who might have worn those laurels instead. Of the tree which grew by the tomb, near the head of Kalos, they also spoke. The wind shrieked more horribly, and both the Syracusans and the Arcadians prayed to Aiolos.

In the sunshine of the morning the proxenoi led the Tyrant's messengers up the slope to the abode of the sculptor, but the night wind had done

выглядел очарованным, но порою испытывал к дереву нечто похожее на отвращение.

Через три года после кончины Калоса Мусид отправил тирану посланника. На агоре в Тегии прошел слух, что величественная статуя завершена. К этому времени олива у могилы приобрела поразительные размеры, превзойдя высотой все остальные деревья своего вида. Одна особенно тяжелая ветвь простиралась над крышей дома, в котором трудился Мусид. Многие приходили посмотреть на необычайно большое дерево и заодно восхититься работой скульптора, поэтому Мусид редко бывал один. Но толпы гостей не досаждали ему. Напротив, теперь, когда его работа была закончена, он, казалось, страшился одиночества. Холодный ветер с гор вздыхал в ветвях оливковой рощи и дерева на могиле, и вздохи эти навевали ужас, ибо в них чудились невнятные звуки неведомой речи.

В тот вечер, когда в Тегию прибыли посланники тирана, в небе сгущались грозные облака. Всем было известно, что они приехали забрать великолепное изваяние Тайкэ, обессмертив тем самым имя Мусида. Правитель города устроил им теплый прием. Ночью над горой Менэлус разразился ураган. Но люди из далеких Сиракуз не замечали его, уютно устроившись в теплом дворце. Они рассказывали о своем прославленном тиране, о блеске его столицы и бурно радовались великолепию статуи, которую Мусид изваял для Сиракуз. А тегийцы в ответ говорили о доброте Мусида и о его неизмеримой скорби по ушедшему другу; о том, что даже грядущие лавры вряд ли утешат его в отсутствие Калоса, который, может быть, носил бы их вместо Мусида. Упомянули они и о дереве, что выросло на могиле. Как раз в этот миг ветер

отправил послание Тирану и на торговой площади Тегеи шептались, что статуя закончена. К этому времени дерево у склепа приобрело удивительные размеры, превосходя прочие деревья своего вида, и расправило единственную тяжелую ветвь над комнатой в которой Мусидос работал. Многие посетители приходили увидеть чудовищное дерево, и столь же многие приходили полюбоваться искусством скульптора, так, что Мусидос редко бывал одинок. Но он не задумывался об огромном числе гостей, по правде, он казалось страшился оставаться один теперь, когда его всепоглощающая работа завершилась. Холодный же, горный ветер, сочась сквозь оливковую рощу и крону дерева на могиле, таинственным образом составлял едва различимые членораздельные звуки.

Тем вечером, когда эмиссары Тирана прибыли в Тегею, небеса были темны. И было доподлинно известно, что прибыли они перевезти великую статую Тахо и вознести вечную славу Мусидосу, и от того приняли их с большой сердечностью. Ночь принесла яростный порывы бури разбившейся о вершину горы Маэналус, и люди из Сиракуз были довольны, что уютно расположились в городе. Они рассказывали о своем прославленном Тиране и своем труде на него. А люди Тегеи рассказывали о добродетелях Мусидоса, и его тяжелом горе, и о его друге, так и не увенчанном за мастерство лавровым венком, и что возможно если бы он мог надеть лавровый венок вместо Калоса, то это бы его утешило. О дереве, что росло у могилы, рядом с головой Калоса, они так же рассказывали. Ветер пронзительно ревел

strange things. Slaves' cries ascended from a scene of desolation, and no more amidst the olive grove rose the gleaming colonnades of that vast hall wherein Musides had dreamed and toiled. Lone and shaken mourned the humble courts and the lower walls, for upon the sumptuous greater peristyle had fallen squarely the heavy overhanging bough of the strange new tree, reducing the stately poem in marble with odd completeness to a mound of unsightly ruins. Strangers and Tegeans stood aghast, looking from the wreckage to the great, sinister tree whose aspect was so weirdly human and whose roots reached so queerly into the sculptured sepulchre of Kalos. And their fear and dismay increased when they searched the fallen apartment, for of the gentle Musides, and of the marvellously fashioned image of Tyche, no trace could be discovered. Amidst such stupendous ruin only chaos dwelt, and the representatives of two cities left disappointed; Syracusans that they had no statue to bear home, Tegeans that they had no artist to crown. However, the Syracusans obtained after a while a very splendid statue in Athens, and the Tegeans consoled themselves by erecting in the agora a marble temple commemorating the gifts, virtues, and brotherly piety of Musides.

But the olive grove still stands, as does the tree growing out of the tomb of Kalos, and the old bee-keeper told me that sometimes the boughs whisper to one another in the night wind, saying over and over again. "Oida! Oida! – I know! I know!"

завыл еще ужаснее, и все – как сиракузцы, так и жители Аркадии – вознесли молитву Эолу⁴.

На следующее утро, согретое ласковыми лучами солнца, консул повел посланцев вверх по склону к обители скульптора. Вскоре они обнаружили, сколь страшный след оставил после себя ночной ураган. Еще издали услышав вопли рабов, они ускорили шаг и, прибыв на место, замерли от ужаса: сверкающая колоннада просторного зала, где мечтал и творил Мусид, больше не возвышалась посреди оливковой рощи. От дома остались только стены, поскольку на легкий и некогда роскошный перистиль⁵ обрушилась тяжелая ветвь того самого необычного дерева, о котором они говорили накануне. Мраморная поэма возведенная руками гениев, со сверхъестественным тщанием была превращена в неприглядный могильник. Как гости, так и тегийцы стояли, объятые страхом, среди руин, безмолвно впери́в взор в зловещное дерево, причудливо напоминавшее человеческий силуэт, корни которого уходили в глубину усыпальницы Калоса. Их недоумение и страх безмерно усилились после осмотра развалин. Благородный Мусид и его чудесно выполненная статуя бесследно исчезли. Среди колоссальных руин царил полнейший хаос. Представители двух городов удалились глубоко разочарованными – сиракузцы из-за того, что им нечего было везти домой, тегийцам же было некого отныне восхвалять. Тем не менее, Сиракузы получили через некоторое время прекрасную статую из Афин, а тегийцы утешились тем, что возвели на горе храм, увековечив гений, добродетели и братскую преданность Мусида.

А оливковая роща по-прежнему растет на том же самом месте, растет и дерево на могиле Калоса. Старый

все страшнее и сиракузцы и аркадцы молились Эолу.

В утреннем, солнечном свете тегийцы повели посыльных тирана вверх по склону к обители скульптора, но ночной ветер совершил страшные вещи. Рабы рыдали на руинах, и среди оливковой рощи более не поднимались великолепные колоннады вокруг просторного зала, в котором Мусидос спал и упорно трудился. Эмиссары и тегийцы стояли охваченные ужасом, наблюдая среди развалин огромное, зловещное дерево, чей вид так походил на нелепого человека и чьи корни проникли в украшенную сльптурами гробницу Калоса. И страх и ужас лишь возрос, когда стали искать в разрушенном здании добродетельного Мусидоса и роскошную статую Тахе и не обнаружили ни малейших следов, ни Мусидоса, ни статуи. Среди руин обитал лишь хаос, и представители двух городов остались разочарованы; сиракузцам не досталась статуя, которую они увезли бы домой, тегийцы лишились скульптора, которого бы они увенчали. Тем не менее, через некоторое время сиракузцы получили великолепную статую из Афин, а тегийцы возвели над агорой чудесный храм прославляющий способности, добродетели и благочестие Мусидоса.

Но оливковая роща все еще стоит, как стоит дерево растущее у склепа Калоса, и старый пчеловод говорил мне, что временами ветви шепчут друг другу в ночном ветру, повторяя вновь и вновь. «Ойда! Ойда!» – «Я знаю! Я знаю!»

пасечник рассказывал мне, что иногда ветви его шепчутся на ночном ветру, бесконечно повторяя: "Oida! Oida!" – «Мне ведомо! Мне ведомо!»

Примечания:

¹ Тайке (Тиха, Тихе) – богиня случая и судьбы. Обычные атрибуты – шар и рог изобилия (греч., мифол.).

² Мазолус (Мавсол) Карий (4 в, до н. э.) – правитель Галикарнаса. Его гробница дала название мавзолеям будущих столетий.

³ Елисейские поля (Элизиум, Элисий), (греч., миф.) – место вечного упокоения душ умерших.

⁴ Эол – мифический повелитель ветров. Часто его изображали царем ветров, сидящим со скипетром в руке на вершине скалы, в глубокой пещере которой заключены ветры (греч., мифол.).

⁵ Перистиль (арх.) – ряд колонн, окружающий здание или внутренний дворик